

Ода и пародия

An Hour of Poetry
НМУ, 29.05.2014

Пиндар (V в. до н.э.)

ПЕРВАЯ ОЛИМПИЙСКАЯ ПЕСНЬ

Гиерону Сиракузскому и коню его Ференику на победу в скачке (476 г.)

1с Лучше всего на свете –

Вода;

Но золото,

Как огонь, пылающий в ночи,

Затмевает гордыню любых богатств.

Сердце мое,

Ты хочешь воспеть наши игры?

Не ищи в полдневном пустынном эфире

Звезд светлей, чем блещущее солнце,

Не ищи состязаний, достойней песни,

Чем Олимпийский бег.

Лишь отсюда многоголосый гимн

Разлетается от мудрых умов,

Чтобы славить Кронида

У блаженного очага Гиерона –

1а Гиерона, который владеет

Скиптром правосудия в стадообильной Сицилии,

Гиерона, у которого в житнице –

Наливные колосья всех добродетелей,

Гиерона, который блещет

Славословием песнопений

Среди нашего веселья на его гостеприимном пиру.

Сними же с гвоздя

Дорийскую лиру,

Если в душу скользнула сладкою заботою

Радость о Писе и о Ференике,

Который, мчась при Алфее,

Не касаем бичом,

Причастил победе своего господина –

1э Царя Сиракуз,

Любителя конеборств.

Слава Гиерона сияет

В этом славном мужами поселенье лидийского Пелопа –

Пелопа, которого полюбил держатель земли Посидон,

Когда Клото воздвигла его из чистой купели

С плечом, блиставшим слоновьей костью.

...Но нет, это сказки:

Ведь так часто людская молва

Переходит за грани истины;

И сказания, испещренные вымыслами,

Вводят в обман.

<...>

Разным людям – разное величие;

Высочайшее из величий – венчает царей;

О, не стреми свои взоры еще выше!

Будь твоей долей –

Ныне попирать вершины;

А моей –

Обретаться рядом с победоносными,

Первому во всем искусстве перед эллинами.

Гораций (65–8 до н.э.)

II, 10 [К Лицинию]

Будешь лучше жить, не стремясь, Лициний,
В глубь широких вод и не жмясь вплотную
В страхе сильных бурь к берегам неверным
Чутко и зорко,

Кто златую взял середину мерой,
Тот без злых забот, и худого крова,
И палат больших, что рождают зависть,
Мудро избегнет;

Ветер чаще гнет вековые сосны;
Всех сильней обвал величайших башен;
Стрелы молний бьют лишь в большие горы
С гордой вершиной.

Кто обдумал жизнь, не боится горя,
Зорко вдаль глядит при безмерном счастье.
Злую зиму, к нам приведя, уводит
Тот же Юпитер.

Пусть теперь печаль - не всегда так будет,
Есть часы, когда Аполлон кифарой
Звонко будит муз, - не всегда он пружит
Лук для прицела.

Бодрым, твердым встретить все несчастья жизни,
Если ж будет дуть чересчур счастливый
Ветер, - ты сумеи подобрать разумно
Вздувшийся парус.

(Перевод В. Лебедева)

*Tel fut Ronsard autheur de cest ouvrage,
Tel fut son œil, sa bouche & son visage,
Portrait au vis de deux crayons diuers:
Icy le corps, & l'esprit en ses vers.*

Pierre de Ronsard

(1524–1585)

ODE XVII. A LA FORET DE GASTINE

Couché sous tes ombrages vers
Gastine, je te chante
Autant que les Grecs par leurs vers
La forest d'Erymanthe.
Car malin, celer je ne puis
A la race future
De combien obligé je suis
A ta belle verdure :
Toi, qui sous l'abris de tes bois
Ravi d'esprit m'amuses,
Toi, qui fais qu'à toutes les fois
Me respondent les Muses :
Toi, par qui de ce méchant soin
Tout franc je me délivre.
Lors qu'en toi je me pers bien loin.
Parlant avec un livre.
Tes bocages soient tousjours pleins
D'amoureuses brigades,
De Satyres et de Sylvains,
La crainte des Naiades.
En toi habite désormais
Des Muses le collège.
Et ton bois ne sente jamais
La flame sacrilège.

ГАСТИНСКОМУ ЛЕСУ

Тебе, Гастин, в твоей тени
Пою хвалу вовеки, –
Так воспевали в оны дни
Лес Эриманфа греки.
И, благодарный, не таю
Пред новым поколеньем,
Что юность гордую мою
Поил ты вдохновеньем,
Давал приют любви моей
И утолял печали,
Что музы волею твоей
На зов мой отвечали,
Что, углубясь в живую сень,
Твоим овеян шумом,
Над книгой забывал я день,
Отдавшись тайным думам.
Да будешь вечно привлекать
Сердца своим нарядом,
Приют надежный предлагать
Сильванам и наядам,
Да посвятят тебе свой дар
Питомцы муз и лени,
Да святотатственный пожар
Твоей не тронет сени!

(Перевод В. Левика)

Nicolas Boileau

(1636–1711)

ART POÉTIQUE

Chant II

...Il faut que le cœur seul parle dans l'élegie.

L'Ode, avec plus d'éclat et non moins d'énergie,
Élevant jusqu'au ciel son vol ambitieux,
Entretient dans ses vers commerce avec les dieux.
Aux athlètes dans Pise elle ouvre la barrière,
Chante un vainqueur poudreux au bout de la carrière,
Mène Achille sanglant aux bords du Simoïs,
Ou fait fléchir l'Escaut sous le joug de Louis.
Tantôt, comme une abeille ardente à son ouvrage,
Elle s'en va de fleurs dépouiller le rivage :
Elle peint les festins, les danses et les ris ;
Vante un baiser cueilli sur les lèvres d'Iris,
Qui mollement résiste, et, par un doux caprice,
Quelquefois le refuse afin qu'on le ravisse.
Son style impétueux souvent marche au hasard
Chez elle un beau désordre est un effet de l'art.
Loin ces rimeurs craintifs dont l'esprit flegmatique
Garde dans ses fureurs un ordre didactique,
Qui, chantant d'un héros les progrès éclatants,
Maigres historiens, suivront l'ordre des temps !

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Песнь II

Элегия сильна лишь чувством непритворным.

Стремится Ода ввысь, к далеким кручам горным,
И там, дерзания и мужества полна,
С богами говорит как равная она;
Прокладывает путь в Олимпии атлетам
И победителя дарит своим приветом;
Ахилла в Илион бестрепетно ведет
Иль город на Эско с Людовиком берет;
Порой на берегу у речки говорливой
Кружится меж цветов пчелой трудолюбивой;
Рисует празднества, веселье и пиры,
Ириду милую и прелесть той игры,
Когда проказница бежит от поцелуя,
Чтоб сдать под конец, притворно негодую.
Пусть в Оде пламенной причудлив мысли ход,
Но этот хаос в ней – искусства зрелый плод.
Бегите рифмача, чей разум флегматичный
Готов и в страсть внести порядок педантичный:
Он битвы славные и подвиги поет,
Неделям и годам ведя уныло счет...

(Перевод Э. Линецкой)

Nicolas Boileau

L'ODE SUR LA PRISE DE NAMUR (1693)

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes de Permesse,
N'est-ce pas vous que je voy ?
Accourez, Troupe scavante,
Des sons que ma Lyre enfante
Ces arbres sont réjouis.
Marquez-en bien la cadence ;
Et vous, Vents, faites silence :
Je vais parler de Louis.

Dans ses chansons immortelles,
Comme un aigle audacieux,
Pindare étendant ses aisles,
Fuit loin des vulgaires yeux.
Mais, ô ma fidele Lyre,
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports ;
Les chesnes des monts de Thrace
N'ont rien oüi que n'efface
La douceur de tes accords.

<...>

В. К. Тредиаковский

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА (1734)

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?
И звон ваших струн сладкогласных,
И силу ликом слышу красных;
Все чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

В своих песнях, в вечность преславных,
Пиндар, Гораций несравненны
Взнеслися до звезд в небе явных,
Как орлы быстры, дерзновенны
Но буде б ревности сердечной,
Что имеет к Анне жар вечный,
Моя глас лиры сравнился,
То бы сам и Орфей фракийский,
Амфион купно б и фивийский
Сладости ее удивился.

Воспевай же, лира, песнь сладку,
Анну, то есть благополучну,
К вящему всех врагов упадку,
К несчастью в веки тем, скучну.
О ее и храбрость, и сила!
О всех подданных радость мила!

Nicolas Boileau

L'ODE SUR LA PRISE DE NAMUR (1693)

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes de Permesse,
N'est-ce pas vous que je voy ?
Accourez, Troupe scavante,
Des sons que ma Lyre enfante
Ces arbres sont réjouis.
Marquez-en bien la cadence ;
Et vous, Vents, faites silence :
Je vais parler de Louis.

Dans ses chansons immortelles,
Comme un aigle audacieux,
Pindare étendant ses aisles,
Fuit loin des vulgaires yeux.
Mais, ô ma fidele Lyre,
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports ;
Les chesnes des monts de Thrace
N'ont rien oüi que n'efface
La douceur de tes accords.

<...>

Mathew Prior (1664–1721)

AN ENGLISH BALLAD IN ANSWER TO MR. DESPREAUX'S
PINDARIQUE ODE ON THE TAKING OF NAMUR (1695)

Some Folks are drunk, yet do not know it:
So might not Bacchus give You Law?
Was it a Muse, O lofty Poet,
Or Virgin of St. Cyr, You saw?
Why all this Fury? What's the Matter,
That Oaks must come from Thrace to dance?
Must stupid Stocks be taught to flatter?
And is there no such Wood in France?
Why must the Winds all hold their Tongue?
If they a little Breath should raise;
Would that have spoil'd the Poet's Song;
Or puff'd away the Monarch's Praise?

Pindar, that Eagle, mounts the Skies;
While Virtue leads the noble Way:
Too like a Vulture BOILEAU flies,
Where sordid Interest shows the Prey.
When once the Poet's Honour ceases,
From Reason far his Transports rove:
And BOILEAU, for eight hundred Pieces,
Makes LOUIS take the Wall of Jove.

М. В. ЛОМОНОСОВ

(1711–1765)

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

<...>

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

<...>

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

<...>

А. П. Сумароков. Критика на оду

СТРОФА I

*Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда.*

Градов ограда, — сказать не можно. Можно молвить селения ограда, а не ограда града; град от того и имя свор имеет, что он огражден.

Я не знаю сверх того, что за ограда града тишина. Я думаю что ограда града войско и оружие, а не тишина.

Город имеет в родительном падеже множественного числа городов, а град градов, а не градов; для того что в именительном падеже множественного числа город имеет звание города, а град грады, а не града и не грады.

Сказано в той же строфе к тишине:

*Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;*

Что корабли держают в море за тишиною и что. тишина им предшествует, об этом мне весьма сумнительно, можно ли так сказать; тишина остается на берегах, а море никогда не спрашивает, война ли или мир в государстве, и волнует тогда когда хочет, как ни случится, в мирное ли, или в военное время.

*Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.*

Я думаю, что тишина сыплет щедрою рукою по земли богатство, а не свое богатство, которого она не имеет.

<...>

СТРОФА IV

*Когда от радости премены
[Петровы] возвышали стены
До звезд плескание и клик!*

Не стены возвышают клик, но народы. Говорится весь град восклицает, вся страна и вся земля восклицает. Под именем града я разумею граждан, под именем страны разумеются народы, живущие в ней, а под именем стен я одни кирпичи разумею.

<...>

Доброт твоих.

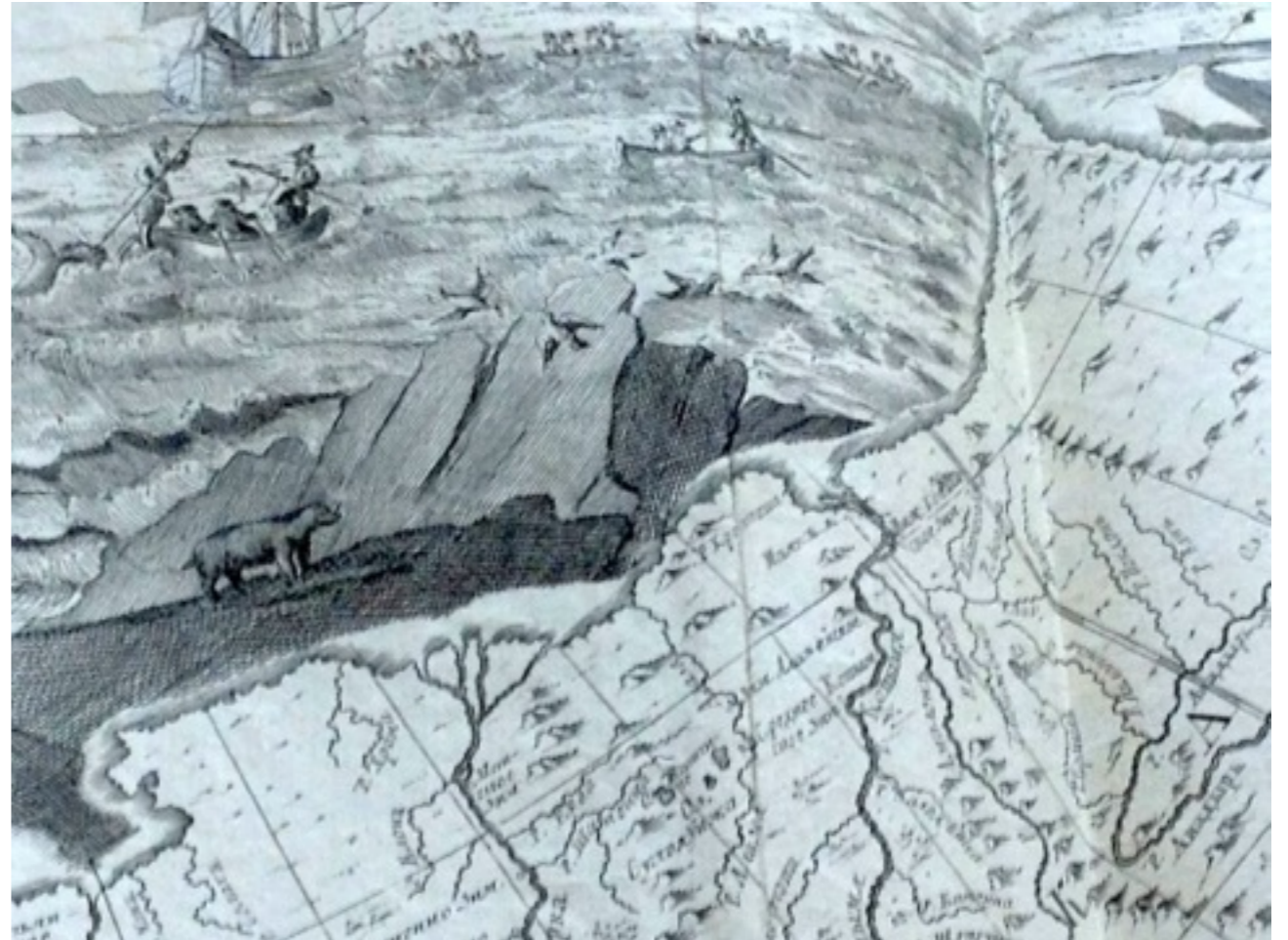
Что добродетель я знаю, а что доброта не ведаю.

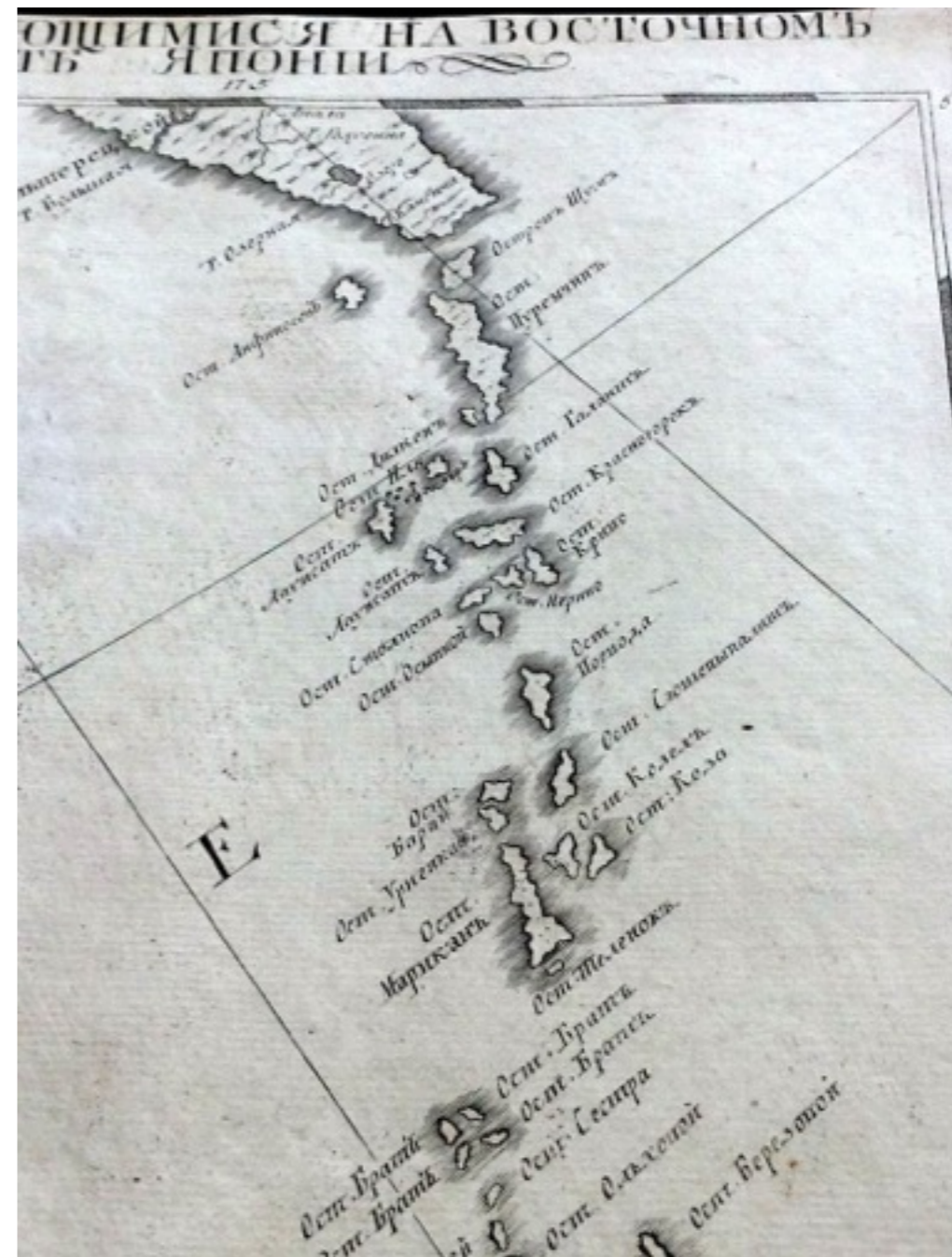
Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

<...>

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строга зима.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

<...>

А. П. Сумароков (1717–1777)

ОДА ВЗДОРНАЯ III

<...>

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, муза, и греми!

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.
Благословенное начало
Тебе, богиня, воссияло.
И наших искренность сердец
Пред троном вышнего пылает,
Да счастием твоим венчает
Его средину и конец.

П. П. Сумароков (1765–1813)

ОДА В ГРОМКО-НЕЖНО-НЕЛЕПО-НОВОМ ВКУСЕ

Сапфирно-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурный конь, Пегас!
С Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мне на час.
Иль, дав в Кавказ толчок ногами,
И вихро-бурными крылами
Рассекши воздух, прилети.
Хвостом серебро-злато-махровым,
Иль радужно-гнедо-багровым,
Следы пурпурны замети.

Жемчужно-клюквенно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря.
Смарагдо-бисерно светило,
Подъяв огнем дышаще рыло,
Из сольно-горко-синих вод,
Усо-подобными лучами
Златит, как будто бы руками
На полимент небесный свод.

<...>

А. П. Сумароков

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мечет из середины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшись, другою –
Во грозный льдистый океан.
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

<...>

Voltaire

(1694–1778)

GALIMATIAS PINDARIQUE.
SUR UN CARROUSEL DONNÉ PAR L'IMPÉRATRICE
DE RUSSIE (1766)

Sors du tombeau, divin Pindare,
Toi qui célébras autrefois
Les chevaux de quelques bourgeois
Ou de Corinthe ou de Mégare ;
Toi qui possèdes le talent
De parler beaucoup sans rien dire :
Toi qui modules savamment
Des vers que personne n'entend
Et qu'il faut pourtant qu'on admire

Mais commence par oublier
Tes petits vainqueurs d'Elide ;
Prends un sujet moins insipide ;
Viens cueillir un plus beau laurier,
Cesse de vanter la mémoire
Des héros dont le premier soin
Fut de se battre à coup de poing
Devant les juges de la Gloire.

La Gloire habite de nos jours
Dans l'empire d'une amazone ;
Elle la possède, et la donne :
Mars, Thémis, les Jeux, les Amours,
Sont en foule autour de son trône.
Viens chanter cette Thalestris
Qu'irait courtiser Alexandre.
Sur tes pas je voudrais m'y rendre,
Si je n'étais en cheveux gris.

<...>

Покинь гробницу, тень Пиндара!
Коней мещанских из Мегара
Умела прежде ты воспевать,
И силою отлична даоа
Умела мало рассказать,
Хоть очень много говорила;
Тебя латынь боготворила,
А прочим трудно и понять!

Забудь малюточек-героев,
Что ты среди Эвлиды боев
Умела громко превознести;
Пожалуй, брось их важность строев,
Ищи себе получше честь;
Престань ты воспевать стихами
Мужей, которые кулаками
Венцы пеклися приобрести.

Ищи теперь богини славы
Средь Амазонкиной державы!
Прославься, славиться, одной
Поручены ей в мире правы;
Ее одну, Пиндар, воспой!
Филиппов сын в нее б влюбился,
И я к ногам бы пасть стремился –
Когда бы не был уж седой.
<...>

(Перевод гр. Д. Хвостова)

В. А. Жуковский (1783–1852)

К ВОЕЙКОВУ (1814)

<...>

Зрел недавно как Пиндар,
 В воду огонь свой обративши,
Затушил в Москве пожар,
 Всю дожечь ее грозивший...

<...>

Мук там бездна!.. Вот Хлыстов
 Меж огромными ушами,
Как Тантал среди плодов,
 С непрочтенными стихами.
Хочет их читать ушам,
 Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать простор стихам, -
 Уши разом все свернутся!

Г. Р. Державин

(1743–1816)

ОДА НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА (1779)

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.

В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился – и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул – и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел – и солнце красно
Обратилось к весне;
Он вскричал – и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки –
Уж порфиру в руки брал;
Раздались Громовы звуки,
И весь Север воссиял.
<...>

А. С. Пушкин (1799–1837)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

XXXII

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венки убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать,
И все одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!»
– Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? – Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII

Как их писали в мощные годы,
Как было встарь заведено...»
– Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не все ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
«Чужого толка» хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей? –
«Но все в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна...» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.

А. А. Ахматова (1889–1966)

(Из цикла «Тайны Ремесла»)

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

<...>

Percy Bysshe Shelley

(1792–1822)

ODE TO THE WEST WIND

I

O Wild West Wind, thou breath of Autumn's being
Thou from whose unseen presence the leaves dead
Are driven like ghosts from an enchanter fleeing,

Yellow, and black, and pale, and hectic red,
Pestilence-stricken multitudes! O thou
Who chariotest to their dark wintry bed

The wingèd seeds, where they lie cold and low,
Each like a corpse within its grave, until
Thine azure sister of the Spring shall blow

Her clarion o'er the dreaming earth, and fill
(Driving sweet buds like flocks to feed in air)
With living hues and odours plain and hill;

Wild Spirit, which art moving everywhere;
Destroyer and preserver; hear, O hear!

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ

I

O буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листья,
Как перед чародеем привиденья,

То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
То голых пашен черные пласты

Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,

И теплый ветер, твой весенний брат,
Взовьет их к жизни дудочкой пастушьей,
И новую листвой оденет сад.

O дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!

(Перевод Б. Пастернака)

V

Make me thy lyre, even as the forest is:
What if my leaves are falling like its own?
The tumult of thy mighty harmonies

Will take from both a deep autumnal tone,
Sweet though in sadness. Be thou, Spirit fierce,
My spirit! Be thou me, impetuous one!

Drive my dead thoughts over the universe,
Like wither'd leaves, to quicken a new birth;
And, by the incantation of this verse,

Scatter, as from an unextinguish'd hearth
Ashes and sparks, my words among mankind!
Be through my lips to unawaken'd earth

The trumpet of a prophecy! O Wind,
If Winter comes, can Spring be far behind?

V

Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез

Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мысль мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, эту строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!

(Перевод Б. Пастернака)

John Keats

(1795–1821)

ODE ON A GRECIAN URN

II

Heard melodies are sweet, but those unheard
Are sweeter; therefore, ye soft pipes, play on;
Not to the sensual ear, but, more endear'd,
Pipe to the spirit ditties of no tone:
Fair youth, beneath the trees, thou canst not leave
Thy song, nor ever can those trees be bare;
Bold Lover, never, never canst thou kiss,
Though winning near the goal yet, do not grieve;
She cannot fade, though thou hast not thy bliss,
For ever wilt thou love, and she be fair!

V

<...>

When old age shall this generation waste,
Thou shalt remain, in midst of other woe
Than ours, a friend to man, to whom thou say'st,
«Beauty is truth, truth beauty, – that is all
Ye know on earth, and all ye need to know.»

II

Мелодий сладок звук, но звук немой
Нам слаще, потому играйте, флейты,
Не чувственному уху, но самой
Духовной сущности, без звука в ней ты.
О, юноша в лесу, ты не прервешь
Мелодию, не обнажатся ветки.
Любовник дерзкий, поцелуй твой пуст,
Но ты у цели, губ желанных дрожь –
Она здесь навсегда у самых уст,
В кого влюблен, она твоя навеки.

V

<...>

Когда наш век исчезнет без следа,
Пребудешь ты иному, как наука,
Не нашему, и объяснишь ему:
«Вся правда – красота, а красота
Есть правда – больше знать вам ни к чему».

(Перевод А. Цветкова)

Осип Манделъштам (1891–1938)

ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА (вариант)

Звезда с звездой – могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень.
На мягком сланце облаков
Молочный, грифельный рисунок –
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою овечьей.
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
И не запишет патриарх
На мягкой сланцевой дощечке
Ни этот сдвиг, ни этот страх.
Читай: кремневых гор осечки.

<...>

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

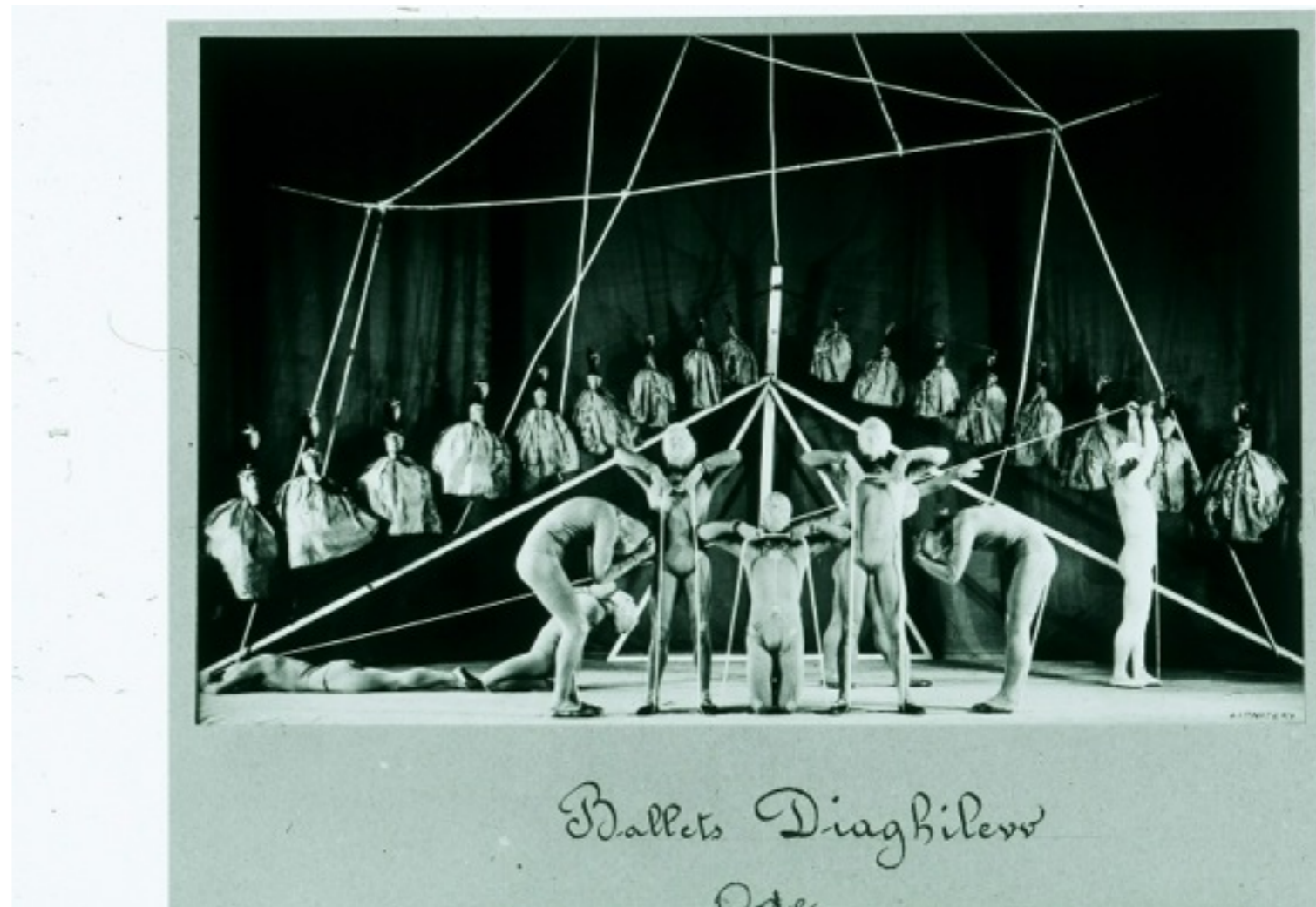
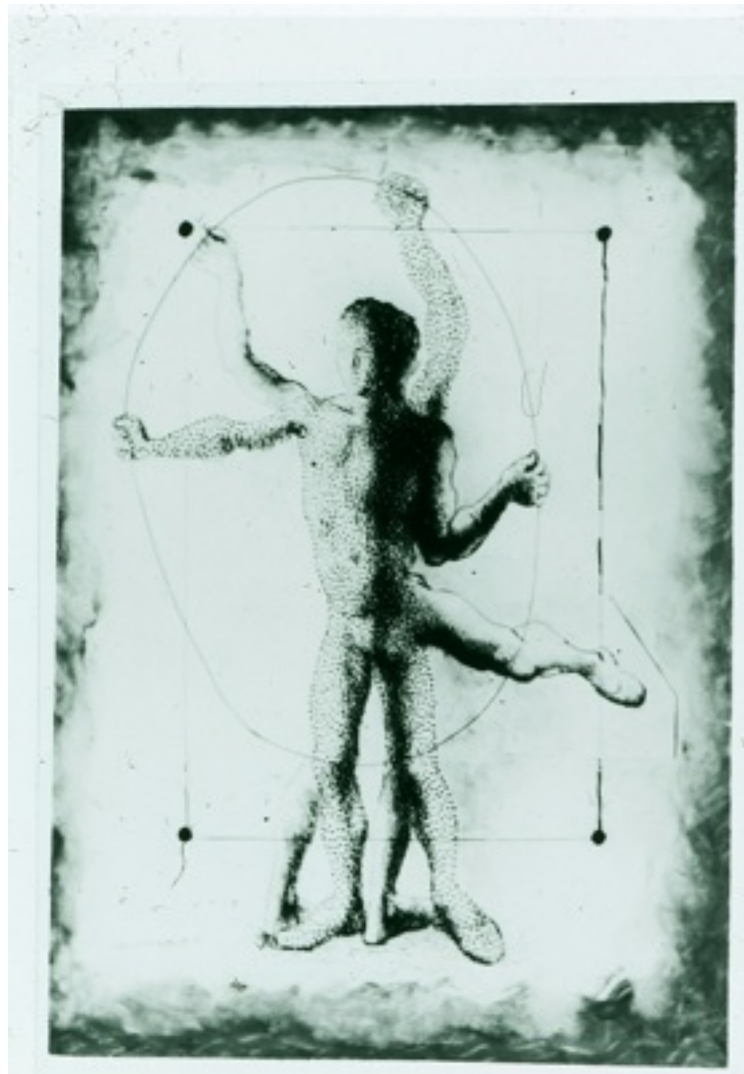
(Г. Р. Державин, 6 июля 1816)

М. В. Ломоносов

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

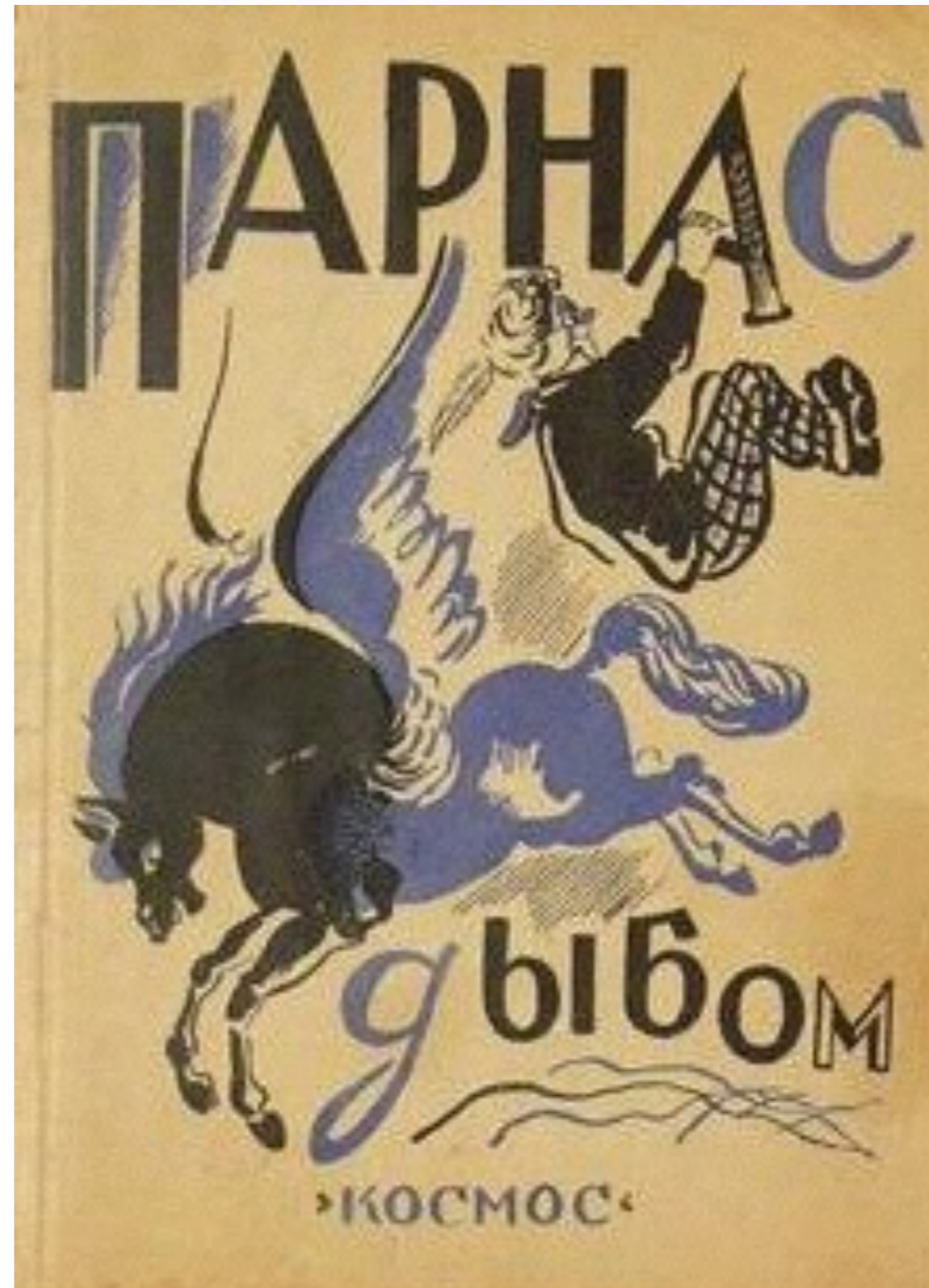
<...>

В. В. Маяковский (1893–1930)

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«0»!
0, звериная!
0, детская!
0, копеечная!
0, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
<...>
Тебе обывательское
– о, будь ты проклята трижды! –
и мое,
поэтово
– о, четырежды славься, благословенная! –

(Э. С. Паперная, А. Г. Розенберг, А. М. Финкель)

А. С. Пушкин

Одна в глуши лесов сосновых
Старушка дряхлая жила,
И другом дней своих суровых
Имела серого козла.
Козел, томим духовной жаждой,
В дремучий лес ушел однажды;
И растерзал его там волк.
Козлиный глас навек умолк.
Остались бабушке лишь ножки
Утехой минувших дней,
И память о козле больней,
Лишь поглядит на козьи рожки.
Одна, одна в лесной глуши
Тоскует о козле в тиши.

1827 г.

(А. Финкель)

А. Н. Вертинский

Куда же вы ушли, мой серенький, мой козлик,
с бубенчиком на лбу и с лентой на рогах?
Грустит ваш сад. Наннет-старушка плачет возле
об умершей любви, о майских прошлых днях.

В последний страшный час я видел вас так близко,
в далекий темный лес вас мчал кабриолет.
Под тяжестью волка потом вы пали низко,
лишь ножки и рога оставив для Наннет.

1916 г.

(Э. Паперная)

Александр Блок

Где дамы щеголяют модами,
где всякий лицеист остер,
над скукой дач, над огородами,
над пылью солнечных озер, –

там каждый вечер в час назначенный,
среди тревожащих аллей
со станом, пузырями схваченным,
идет купаться Веверлей.

И, медленно пройдя меж голыми,
заламывая котелок,
шагами скорбными, тяжелыми
ступает на сырой песок.

Такой бесстыдно упоительный,
взволнован голубой звездой,
ныряет в воду он стремительно
и остается под водой.

Вдыхая древними поверьями,
шелками черными шумна,
под шлемом с траурными перьями
идет на пруд его жена.

И ноги милого склоненные
в ее качаются мозгу,
и очи синие, бездонные
цветут на дальнем берегу.

И, странной близостью закована,
глядит за темную вуаль
и видит берег очарованный
и очарованную даль.

И в этой пошлости таинственной
оглушена, поражена,
стоит над умершим единственным
окаменевшая одна.

1910 г.

(А. Финкель)

Марина Цветаева

(1892–1941)

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ (1927)

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей -
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всеутёсно, всерощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы - порог,

Дерзко попраный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
- Нет, безногое племя,
Даль - ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам -
Божествам в сапогах!

Если есть в мире - ода
Богу сил, богу гор -
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

<...>

Между Зюдом и Нордом -
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши Рольсы и Ройсы -
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего - бресть.

<...>